

Л.Н. ГУМИЛЕВ

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ВОКРУГ КАСПИЯ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

Л.Н. ГУМИЛЕВ

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ВОКРУГ КАСПИЯ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)
Г94

Серия «Эксклюзив: Русская классика»
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Гумилев, Лев Николаевич.
Г94 Тысячелетие вокруг Каспия / Лев Николаевич
Гумилев. — Москва : Издательство АСТ, 2025. —
544 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-173671-2

Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) — выдающийся русский историк, этнолог и географ, поэт и переводчик с фарси, основатель теории пассионарности, разработчик оригинальной концепции этногенеза и приверженец евразийской идеи.

Книга Л.Н. Гумилева представляет собой исследование малоизвестных страниц истории множества этносов — хуннов, тюркотов, уйгуров, хазар, кыпчаков, половцев и других, сменявших друг друга на просторах вокруг Каспия с III века до н.э. по XII век н.э.

Монография является опытом синтеза истории, этнологии и географии и создана на стыке гуманитарных и естественных наук.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-173671-2

© Л. Гумилев, наследники, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

От автора

Долгое время научная мысль историков Европы была зажата железным кольцом моноцентризма. С эпохи Г.-В.-Ф. Гегеля казалось очевидным, что развитие цивилизации шло через древние *Иудею, Элладу, Рим* и нашло свое завершение в *Западной романо-германской Европе*, окруженной «неисторическими» или «отсталыми» народами. Аналогично мыслили китайские историки, с тем лишь исключением, что центром цивилизации они считали Срединную равнину, отгородившуюся от *Великой степи «Длинной Стеной»*. В *Южной Азии* полуостров *Индия*, прикрытая Гималаями, с запада пустынями Белуджистана, а с востока непроходимыми джунглями, рассматривалась учеными *браминами* как единственная страна, достойная внимания; поэтому всемирная история и глобальная география были вне круга их интересов. Помимо перечисленных центров самолюбования и самовосхваления, был обширный регион, лежавший на юго-восточных берегах *Средиземного моря* — *Афразия*. Его просто невозможно было не заметить. Но колоссальная территория между *Западной Европой и Китаем*, страна

с оригинальным населением и неповторимой культурой — *Евразия* — долгое время была немеченной, вследствие чего считалась несуществующей. Однако *китайцы* и *европейцы* убедились, что это мнение было ошибочно.

Сердце *Евразии* — это *Великая степь* от *Китайской стены* до *Карпат*; окаймленная с севера полосой *сибирской тайги*, а с юга пустынями *Иранского плоскогорья* и оазисами *Персии*. В древности эту степь греки называли *Скифией*, персы — *Тураном*, а китайцы степью «северных варваров» — *Бэй-ху*.

В III в. до н. э. древние кочевники сменились *тюркоязычными хуннами, тюркютами, уйгурами, кыпчаками* и *огузами* — этнической истории коих посвящено наше исследование.

В XIII в. *тюркский* виток этногенеза сменился монгольским, но монголы быстро смешались с *тюркскими этносами* и, перетасовав этнографическую карту *Великой степи*, не нарушили ни ее экологии, ни истории, ни культуры, ни соотношения *Евразии* с окрестными цивилизациями.

И все-таки в это время возник новый «цвет времени», заслуживающий особого изучения, которое было бы неосуществимо без понимания Раннего Средневековья. Вот почему автор уделил половину своей жизни изучению сердца *Евразии* — *Циркумкаспийского байссейна* в связи с историей сопредельных стран: *Внутренней Азии, Тибето-Памирского нагорья* и *Древней Руси*, граничившей с северо-западом *Великой степи*. Без описания сочетания кочевого мира с мусульманской культурой в *Азербайджане* и *Гургане* история станов-

ления тюркского суперэтноса была бы однобока и неполноценна.

Степные народы *Евразии*, *Русь* и *Туран* имели свою культуру и традицию доблести и верности, не уступающую рыцарской *Европе*, мечтательной *Индии* и образованному *Китаю*. Разговоры о «дикости» тюркских кочевников и «отсталости» восточных *славян* — хитрая выдумка дипломатов эпохи крестовых походов, уцелевшая до XX века как обывательская клевета.

«История Средневековой Евразии» была начата автором в 1935 г. и опубликована во многих статьях и семи монографиях.

Предисловие

Историко-географическая монография «Тысячелетие вокруг Каспия» построена на дефинициях этнологии, опубликованных в трактате «Этногенез и биосфера Земли» (Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989 г.). Это будет уже не продолжение изложенной концепции, а этнологическое исследование ойкумены Евразии за 1500 лет с III в. до н. э. по XII в. н. э., в котором судьба Хазарского каганата — кусочек мозаичного панно. Выбор сюжета подсказан возможностью обозреть из одной точки историю ойкумены и этногенез древних этносов Великой степи в эпоху, когда этнические процессы были начаты и закончены, после чего наступило обновление — новый, еще не законченный виток этногенеза.

Наиболее репрезентативной оказалась история хуннов и гуннов, древних тюрок и уйгуров, огузов и кимаков, недостаточно освещенная во Всемирной истории и палеогеографии исторической эпохи. Окрестные регионы: Китай, Ближний Восток, Византия и Европа — являются как бы рамкой, обрамляющей картину — тюрко-монгольскую степь.

Монография является опытом синтеза истории, этнологии и географии. Она создана на стыке гуманитарных и естественных наук.

Традиционная методика исторического исследования, основанная на анализе источников, позволяет только перечислять события, происходившие в данном регионе за отмеченный период. Но связи между ними и логика событий при этом от исследователя зачастую ускользают. Возникает иллюзия ортогенного развития, а зигзаги и разрывы выпадают из поля зрения, ибо кажутся случайностями.

Этнологическая методика позволяет не только заполнить пробелы в этнической истории одной страны и ее соседей, по отдельности, но и более того — достичь понимания этнической истории всей Евразии как целого, выражаясь языком физики, — решить задачу многих тел.

Предполагается, что читателю известны понятия: этнос, суперэтнос, пассионарность, фаза этногенеза и др., т. е. понятийный аппарат этнологии¹.

Прежде всего поясним, чем этнология и этническая история отличаются от истории культуры, социальной истории и даже теории этногенеза, а также почему это наука географическая. В этом последнем тезисе находится ключ к решению поставленной задачи.

¹ Краткий толковый словарь понятий и терминов, составленный В. Ю. Ермолаевым, читатель найдет в конце книги.

Глава I

КЛЮЧ К РЕШЕНИЮ ПОСТАВЛЕННОЙ ЗАДАЧИ

1. География поведения

Это странное словосочетание имеет право на существование. И даже более того: оно имеет наряду с теоретическим практическое значение.

Уточним значение терминов, поскольку они оба глобальны. География — это то, что можно нанести на карту. Поведение — это определенный способ существования в условиях постоянного соотношения «хищник — жертва». Без определенного стереотипа поведения не сможет выжить даже амеба. Но поведенческие стереотипы различны у популяций, даже в пределах вида. А поскольку нас интересует человек, то сказанное относится к нему, причем в наивысшей степени.

Было уже доказано, что природная форма существования вида *Homo sapiens* — этнос, и различие этносов между собой определено не расой, языком, религией, образованностью, а только стереотипом поведения, являющимся высшей формой активной адаптации человека в ландшафте. Разнообразие ландшафтов — вот причина удивительной этниче-

ской мозаичной антропосферы. А так как этнические карты составлялись издавна, то, по сути дела, они отражали разнообразие типов поведения, значит, и ландшафтов. Следовательно, изучение поведения относится к разряду географических наук.

Поведенческие стереотипы меняются не только в пространстве, но и во времени. Поэтому этнологу необходим стереоскопический подход, или «география» времени, которая обычно называется «исторической географией». Оказывается, время столь же неоднородно, как и пространство¹. В нем есть свои «горы» и «пропасти», «леса» и «пустыни». Убедиться же в справедливости этого утверждения мешает одно печальное обстоятельство.

Часто люди искренне полагают, что прошлое, как бы грандиозно оно ни было, исчезло безвозвратно и, следовательно, никакого значения для сегодняшней, а тем более будущей действительности иметь не может. «Нам нужны современность и знание о ней!» — этот тезис приходилось слышать и в беседах за чаем, и в случайных разговорах в поездах, и на научных заседаниях, причем каждый раз с нескрываемым апломбом. Да и как не быть апломбу, если мнение сие очевидно и оспаривать его может только чужак?!

Однако если подумать, большинство очевидностей ложно. То, что Солнце обходит плоскую Землю, — очевидно, но ведь уже некому доказывать, сколь это неправильно. Подобных примеров

¹ О квантовом времени см.: Гумилев Л. Н. Этнос и категория времени. Доклады Географического общества СССР. Л., 1970, вып. 15, с. 143–157.

так много, что и приводить их не стоит. Иллюзии очевидности устраниются еще в средней школе, хотя не столь полно, как было бы нужно.

То же и в нашем случае. Достаточно спросить себя: откуда начинается так называемая современность? Пять минут тому назад? Или месяц? Или век; но если так, то почему не несколько веков? На этот вопрос еще никто не мог ответить. Это первое.

И второе: ведь даже момент, любое переживаемое мгновение тут же становится прошлым. А раз так, то оно ничем не отличается от аналогичных же моментов до новой эры или после нее. Капитуляция Наполеона, открытие Америки Колумбом, казнь Сократа, похищение Елены Парисом и вчерашний день, пережитый автором и редакторами этого текста, принципиально одно и то же — прошлое, подлежащее изучению историка.

Только оно реально и доступно рациональному познанию.

Дальнейшее зависит от постановки проблемы и цели, ради которой исследование проводится. Эволюция человечества идет спонтанно, по спирали. Это процесс глобальный и настолько грандиозный, что зигзаги, образуемые не только личными судьбами отдельных людей, но и целых этносов, взаимно компенсируются и незаметны. Но на низших таксономических уровнях они видны и имеют практическую значимость для каждого из нас, даже в тех случаях, когда событие — зигзаг истории — произошло за века до нас, ибо инерция событий очень велика.

Действительно, что такое этногенез? Это следствие негэнтропийного импульса, т. е. кратковременного толчка (вспышки) энергии живого вещества биосферы (В. И. Вернадский). В результате этого появляется пассионарность — рецессивный признак, рассеивающийся только за полторы тысячи лет. Сам негэнтропийный импульс — этот зигзаг в истории биосферы — нашими органами чувств даже не воспринимается, но лишь обнаруживается по всевозможным последствиям. Поэтому его никогда не фиксируют современники, а заметить могут только историки, да и то использующие специальную методику — этнологическую.

История в этом случае употребляется этнологом не как гуманитарная наука, а уже как вспомогательная естественно-научная дисциплина¹, позволяющая обнаружить как скопление событий, так и их разряженность в различных местах ойкумены, иными словами, зафиксировать неравномерность протекания времени в жизни этносов.

Читатель нашего «Трактата» помнит, что разнообразие исторического времени в рамках одного этногенеза зависит от сочетания двух причин: 1) величины и направления изменений пассионарного напряжения, которое может или возрастать, или снижаться, и 2) контактов с соседями, либо дружескими, либо враждебными. Первый вариант

¹ Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л., 1984, с. 42–57.

отразил И. С. Тургенев в романе «Отцы и дети», где смена цвета времени в русском этногенезе ощущается автором как смена поколений, смена эпох, проходившая на общем фоне снижения пассионарности и столкновения двух субэтнотипов: дворянства и нового зарождающегося субэтнотипа — интеллигенции. Второй — описал Л. Н. Толстой в повести «Кавказцы». Достаточно сравнить описанных им гренадерских казаков со старосветскими помещиками Н. В. Гоголя, принадлежавших к тому же этносу, но другому субэтнотипу. Постоянная война казаков с чеченцами делала здесь ощущение времени крайне напряженным. Оба описания, как литературные произведения, дают естественно сглаженную картину феномена, но история фиксирует и куда более резкие сдвиги традиций и завоевания целых стран. Поэтому целесообразно сопоставлять поколения на длинных отрезках абсолютного времени, а войны — такие, которые не ограничиваются перестрелками около пограничной реки. Тогда картина смены цветов времени станет четче.

В этногенезе возможны два состояния: инерция пассионарного толчка, фиксируемая историками как череда событий, и неустойчивое равновесие, или гомеостаз, наступающий после того, как инерция иссякла, — достояние этнографов-структуралистов. Однако и в гомеостазе идут постоянные изменения, ибо никто не живет одиноко. Воздействия окружения тем сильнее, чем слабее сопротивление этноса, утратившего силу первоначального импульса. И если наблюдателю кажется, что он видит структурированный застой, то это лишь

потому, что он ограничил себя кратким отрезком исторического времени и узким куском земной поверхности. Изоляты тоже подвержены воздействию губительного Хроноса.

Поэтому этнолог, в отличие от этнографа, вынужден помнить, что он изучает объект в постоянном изменении и что все отмеченные им особенности того или иного этноса вскоре могут измениться до неузнаваемости, хотя в недалеком прошлом были совсем иными. Если уж дети не похожи на отцов, то правнуки на прадедов тем более. Итак, цель этнолога — изучение изменения времени, поэтому прежде структурных схем ему следует вычертить кривую этногенеза и определить возраст этноса.

2. Кривая этногенеза

Во всех исторических процессах — от микрокосма (жизнь одной особи) до макрокосма (развитие человечества в целом) — общественная и природные формы движения соприсутствуют подчас столь причудливо, что иногда трудно уловить характер их связи. Это относится в первую очередь к мезокосму, где лежит феномен развивающегося этноса, т. е. этногенез, понимаемый нами как процесс становления этноса от момента его возникновения до исчезновения или перехода в состояние гомеостаза¹. Но если этнос — явление пограничное, зна-

¹ Такое понимание отлично от бытовавшего еще недавно в этнографии: этногенез — происхождение этноса, т. е. процесс, завершающийся с появлением этнического самосознания.

чит ли это, что он продукт случайного сочетания биогеографических и социальных факторов? Нет, этнос имеет в основе собственную закономерность: вспышка энергии, расширение ее в пространстве, инерция и затухание, а в пределе — равновесие с окружающей средой.

В географическом аспекте этнос в момент своего возникновения — популяция, т. е. группа пассионарных особей, приспособившая определенный регион к своим потребностям и одновременно сама приспособившаяся к ландшафту этого региона.

Но момент рождения краток. Появившийся на свет коллектив должен немедленно сложиться в систему, с разделением функций между ее членами. В противном случае он будет уничтожен соседями. Для самосохранения он быстро вырабатывает социальные институты, характер которых в каждом отдельном случае запрограммирован обстоятельствами места (географическая обусловленность) и времени (стадия развития человечества как гиперэтнуса). Именно потребность в самоутверждении обуславливает быстрый рост системы, территориальное расширение и усложнение внутриэтнических связей; силы же для развития ее черпаются в пассионарности популяции как таковой. Рост системы создает инерцию развития, медленно теряющуюся от сопротивления среды, вследствие чего нисходящая ветвь кривой значительно длинней восходящей (рис. 1)¹.

¹ Гумилев Л. Н., Иванов К. П. Этносфера и космос // Материалы Второго всесоюзного совещания по космической антропоэкологии. М., 1988, с. 211–220.